

Мужчина должен быть сильным

Чжан Вэньхай сидел за столом, вконец поникнув, словно захворавший петух — казалось, будь у него гребень, он бы и тот безвольно свисал набок. Парень и раньше знал, что не блещет умом, но и помыслить не мог, что пропасть столь глубока.

Тот отрывок, который Чу Цы прежде заставил его растолковать по памяти, ученик ещё художественно одолел — всё же наставники в академии не раз объясняли его смысл. Но дальше вопросы посыпались градом. И хотя всё сводилось к простому цитированию, угнаться за ходом мыслей учителя было решительно невозможно.

То они разбирали «Мэн-цзы», то внезапно перескакивали на «Лунь Юй», а стоило собеседнику перевести дух, как его уже заставляли вспоминать «Ши цзин».

Вопросы были один причудливее другого: Чу Цы требовал то продолжить фразу по первой строчке, то назвать окончание по середине, а иногда и вовсе вычленил пару иероглифов из самого центра текста, заставляя восстановить контекст. Это была не учёба, а сущая пытка.

Стоило Чжан Вэньхаю хоть на мгновение задуматься, как он наткнулся на загадочный, пронзительный взгляд наставника. В этом взоре так и читалось: «Ну как можно быть таким недотепой?» Под таким гнётом юноша окончательно терялся и начинал заикаться. Его прежние учителя никогда не спрашивали так строго!

Парень честно пытался негодовать, но стоило Чу Цы мазнуть по нему взглядом, как вся спесь мгновенно улетучивалась. Больше всего уязвляло то, что сам юноша за всё время ни разу не прикоснулся к книге. Более того, стоило ученику ошибиться хоть в одном иероглифе, как тот тут же замечал это и поправлял. Неужели разум гения настолько отличается от ума обычного человека? Чжан Вэньхай превратился в настоящий лимон, от которого так и веяло кислым запахом зависти.

— Что ж, на сегодня закончим, — наконец проявил милосердие Чу Цы, оставив подопечного в покое.

Он уже составил общее представление о знаниях собеседника. Основа у Чжан Вэньхая была крепкой, память — недурной, книги он знал почти наизусть, но вот соображал туго. Именно в этом наставник видел корень всех бед.

В прежние времена, когда в день сдавали лишь по одному предмету, парень, вероятно, давно бы уже стал шэньюанем. Но правила изменились, а он по-прежнему тратил слишком много времени на раздумья над каждым вопросом.

В прошлые разы он проваливался именно из-за того, что не успевал дописать работу. А когда всё же укладывался в срок, его ответы оказывались поверхностными и водянистыми — уездный начальник ни за что бы не утвердил такого кандидата в сюцаи.

Стоило учитывать, что ежегодное число новых сюцаев в уезде входило в показатели аттестации местных чиновников. Но и брать кого попало ради количества им тоже не позволялось.

Чу Цы знал, что этот титул не был пожизненным. В конце каждого года полагалось сдавать Годовой экзамен в уезде. Те, кто выдерживал его, сохраняли звание и получали допуск к осенним экзаменам на степень цзюйжэня. А тех, кто проваливался два года подряд, лишали почетного имени без лишних разговоров.

Пусть сюцай и стоял ниже цзюйжэня, привилегий у него хватало. Каждому полагалось ежемесячное жалованье — пять доу риса, которое выдавали раз в квартал. В августе семья Чу уже получила выплату за Чу Цы, и те деньги ушли на его лечение, а в декабре он сможет получить порцию за следующий квартал.

Кроме того, этот ранг позволял освободиться от налогов за себя и ещё за двух членов семьи, а также избавлял от трудовой повинности. По законам Великой династии Вэй, если в доме было двое мужчин старше четырнадцати лет, один из них обязан был исполнять трудовую повинность.

Отец Чу Цы погиб именно из-за этого — упал в воду и утонул при укреплении речной дамбы. Но едва юноша получил степень, повинность с него сняли. Теперь в семье Чу числился лишь один взрослый мужчина, и его старшему брату, Чу Гуану, больше не нужно было надрываться на казённых работах.

До совершеннолетия Сяо Юаня оставалось ещё семь лет. Наставник верил, что за это время он сумеет сдать экзамен на цзюйжэня. Тогда вся семья окончательно забудет о налогах и повинностях, переступив порог сословия шизу.

Сюцаю не нужно было склонять колени перед чиновниками, он мог не являться в суд лично, а к тем, кто стоял ниже уровня области, и вовсе запрещалось применять пытки. Даже если он совершал проступок, дело почти всегда можно было уладить деньгами, если только речь не шла о смертном грехе. Обычному человеку для поездки за пределы уезда требовалось подорожная, ученый муж же со своим вэньшу мог свободно странствовать по всей Поднебесной.

Когда преимуществ так много, каждый стремится ухватиться за этот шанс, поэтому лишение звания встречается крайне редко.

Чу Цы понимал: чтобы помочь Чжан Вэньхаю, нужно прежде всего научить его думать и писать быстрее. Нельзя позволять ему полдня размышлять над одной темой, прежде чем взяться за кисть.

Как же добиться этого? Выход был один — натаскивание на задачах.

Первая средняя школа города А, где раньше работал юноша, была старым, именитым заведением. Одним из главных секретов их успеха был собственный банк заданий. Там собирали всё: реальные билеты прошлых лет со всей страны, задачи из других провинций и даже те, что придумывали сами учителя. Подобный метод был суров, но плоды приносил неоспоримые.

Студенты, ежемесячно решавшие сложнейшие задачи в дьявольской атмосфере «адского марафона», перед лицом обычных экзаменационных вопросов, напоминавших рядовых противников, чувствовали себя как рыба в воде.

Теперь и Чу Цы готовился составить собственный сборник, чтобы Чжан Вэньхай на своей шкуре ощутил всё то давление, которое испытывают выпускники в его мире.

Получив передышку, ученик с упоением пил чай Цзюньшань Иньчжэнь и уплетал печенье с корицей, как вдруг его пробрал озноб.

«Опять это чувство! — мелькнуло в голове. — Жди беды!»

Тем же вечером господин и госпожа Чжан вернулись из уезда. Последние два дня они провели на приёме и не успели лично поприветствовать гостя, поэтому, едва переступив порог, распорядились накрыть роскошный стол.

— Прощу вас, сюцай Чу. Для моего сына — великая честь, что вы согласились наставить его на путь истинный. За это я и поднимаю первый кубок, — отец Чжан Вэньхай так и рассыпался в любезностях, но делал это столь искренне, что слова его не вызвали ничего, кроме симпатии.

— Господин Чжан, вы слишком добры ко мне, я не заслужил таких почестей, — улыбнулся Чу Цы, поднимаясь с места с кубком в руках. — Мы с вашим сыном учились у одного наставника, так что вы для меня — почитаемый старший. Разве может младший позволить старшему поднять кубок первым? К тому же вы — хозяин этого дома, а я лишь гость. Мне и надлежит первому поблагодарить вас за радушный приём. Так что позвольте мне выразить вам своё почтение.

Господин Чжан просиял:

— Хорошо, хорошо! Садитесь, племянник Чу. Ах, до чего же складно вы говорите! Что ж, я с радостью приму этот кубок.

Они чокнулись и осушили чаши до дна. Последовавший за этим короткий смех мгновенно развеял остатки неловкости.

— Племянник, сын мой от природы тугодум. Прошу тебя, не жалея его: если надо — брани, если надо — бей. Я, как отец, и слова против не скажу. Лишь бы он хоть немного стал усерднее, и я буду доволен, — господин Чжан сокрушенно вздохнул и бросил на сына взгляд, полный разочарования.

Чжан Вэньхай покраснел от стыда. Эти причитания отца он слышал сотни раз — каждому новому учителю старик твердил одно и то же. Но услышать это при Чу Цы было особенно обидно. И дело было не в том, что он не признавал заслуг гостя. Просто наставник был на год младше него самого — как тут признать в нём учителя без тени сомнения?

— Вот видишь, он ещё и недоволен! Ох, горе мне! — заметил отец его обиженный вид и тут же снова посетовал на судьбу.

— Дядюшка, вы напрасно так судите, — мягко вмешался Чу Цы. — Брат Чжан просто ещё не привык к суровым правилам экзаменационной кельи, а его слог и знания — весьма достойны. Вы слишком строги к нему. Раз уж ваша семья доверилась мне, я приложу все силы, чтобы помочь ему. Он непременно добьется успеха и оправдает ваши надежды.

Юноша четыре года проработал классным руководителем и знал психологию родителей как свои пять пальцев. Когда они ругают своих детей за глупость, ни в коем случае нельзя им поддакивать — иначе останешься виноватым перед обоими. Настоящий учитель должен уметь найти достоинства ученика и вовремя похвалить его — только так можно сохранить мир в семье и добрые отношения с воспитанником.

Слова Чу Цы заставили всех троих Чжанов расплыться в улыбках. Особенно обрадовалась мать — она терпеть не могла, когда кто-то принижал достоинства её сына. Впечатление от гостя у всех осталось самое благоприятное. Ужин прошел в теплой беседе и затянулся до поздней ночи.

Уже в спальне господин Чжан не переставал восторгаться:

— Послушай, ну откуда у этого Чу такая голова? Я за всю жизнь не встречал такого юноши: и в науках силен, и в людских делах проницателен. Сколько я людей повидал, а против него и слова дурного не скажешь. Если бы наш сын был хоть наполовину... да что там, на треть так же умен, мне бы не пришлось сидеть от забот о его будущем.

— Ну будет тебе, — отмахнулась жена, хотя в душе была согласна. — Всю ночь заладил одно и то же, у меня уже уши вянут. Какой бы сюцай Чу ни был хороший, он — чужой сын. Главное, что он сам сказал: наш Вэньхай не глуп, ему просто нужно привыкнуть. В следующем году он непременно сдаст экзамены, так что готовься принимать поздравления как отец ученого мужа!

Матери тоже пришлось по душе гость, но слушать бесконечные похвалы чужому ребенку ей было немного обидно. Она вверяла все надежды сыну, желая, чтобы он поскорее выбился в люди.

Чу Цы в этот вечер выпил немало вина. Пусть крепость древних напитков была невелика, хмель всё же ударил ему в голову. У него была одна привычка: после доброй чарки его тянуло к кисти и туши — назовём это маленькой прихотью литератора.

Он подошел к столу, разложил бумагу, растер тушь и, помедлив мгновение, вывел ровные строки:

«...С малых лет я в науках прилежен, Дух мой рвется к вершинам седым. Кто-то меч на бедре своем носит, Я же кистью сражаюсь стальной. Утром был я простым землепашцем, К ночи в залы к владыке взойду. Нет породы у знатных вельмож — Муж себя должен выковать сам...»

Это были строки из «Стихов вундеркинда» сунского поэта Ван Чжу. По легенде, он сам был гением и в девять лет уже слагал искусные стихи.

В этом мире, скованном жесткими рамками сословий, Чу Цы порой чувствовал себя не в своей тарелке. Он знал о неравенстве, но, оказавшись внутри этой системы, понимал всё яснее: чем больше он узнает, тем сильнее в нем желание подняться наверх.

Даже сегодня, общаясь с Чжанами — простыми богатыми торговцами, — он невольно подбирал слова так, чтобы им угодить. И дело не в унижении или стыде, а в том, что дальше ему придется иметь дело с куда более важными особами. Если он не станет сильным, ему всё чаще придется поступаться собой ради других.

Он не желал такой участи.

Переродившись, юноша был благодарен судьбе за то, что оказался в теле образованного человека. Он боялся представить, какой была бы его жизнь, окажись он простым разносчиком или, что еще хуже, бесправным слугой.

Но он знал точно: в любой ситуации он бы нашел способ заявить о себе, не позволяя судьбе сломить его дух. Только так можно было оправдать тот дар новой жизни, что преподнесло ему Небо.